

Канд. филол. наук А. З. Розенфельд

А. С. ПУШКИН В ПЕРСИДСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Начало XIX в. в Иране связано с так называемой эпохой пробуждения. Развиваются экономические и культурные связи с Россией и Западной Европой, возникает литография, в 30-х годах выходит первая литографированная газета. Новые веяния находят свое отражение и в литературе. Центром же политической и культурной жизни в этот период являлся Тавриз, где находилась резиденция наследника персидского престола Аббаса-мирзы (1738—1833), при котором были аккредитованы все иностранные дипломатические миссии. Здесь протекала дипломатическая деятельность великого русского писателя А. С. Грибоедова, значительную часть своей жизни проведшего на Кавказе.

Современниками Пушкина были крупнейшие азербайджанские поэты-просветители, передовые люди своего времени Аббас Кули Ага Бакиханов (1794—1847) и Мирза Фатхали Ахундов (1812—1878), находившиеся в личных отношениях с высланными на Кавказ декабристами. Они и другие демократические деятели Кавказа явились проводниками, передатчиками русского влияния, русской культуры на страны Ближнего Востока, в том числе и на Иран.

На Кавказе был и сам Пушкин, впечатления которого от этой поездки отразились в целом ряде поэтических произведений и в путевых очерках «Путешествие в Арзрум». В последнем Пушкин между прочим описывает свою встречу с придворным поэтом Аббас-мирзы Фазыл-ханом, направлявшимся в свите внука Фатхали шаха Хосров-мирзы из Тавриза в Петербург в связи с трагической гибелью А. С. Грибоедова.¹

«Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта, и, по моему желанию, представил меня Фазил-хану. Я с помощью переводчика начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-хан отвечал на мою неуместную затейливость просто, умной учтивостью порядочного человека: «Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительным и проч.» — и далее — «Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашенным ногтям».² Через два дня Пушкин в Пасанауре встретил главу миссии принца Хосров-мирзу («сам он выглянул из ко-

¹ Эта встреча произошла 24 мая 1829 г. в пути между сел. Казбек и сел. Коби. Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, изд. 2, СПб. 1910, стр. 188.

² А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, 1937—1948, VIII, I, стр. 452.

ляски и кивнул мне головою»). Еще через две недели 11 июня 1829 г. вблизи крепости Гергеры по дороге в Карс Пушкин встретил тело Грибоедова.¹

Судя по имеющимся у нас материалам, воспитатель Хосров-Мирзы Фазыл-хан Шаида сын Мухаммед Хусейна был для своего времени передовым человеком.

При занятии Тавриза русскими войсками в 1827 г. он выступил с сатирическими стихами против мусульманского духовенства, а также против министра иностранных дел Персии и отказался от духовной деятельности. В 1828 г. он присутствовал при подписании туркманчайского договора, где был также и Грибоедов. Во время пребывания в Петербурге (с 4 августа по 17 октября 1829 г.) в составе персидского посольства Фазыл-хан высказал желание остаться в России в качестве преподавателя восточных языков,² что и выразил в преподнесенной Николаю I касыде.³

Свое намерение он осуществил лишь в 1838 г. Когда после смерти Аббас-мирзы персидский престол перешел в руки Мухаммед-мирзы, ослепившего Хосров-мирзу, Фазыл-хан бежал на Кавказ и здесь в 1842 г. принял присягу на русское подданство. Он преподавал в шиитском духовном училище персидский и арабский языки, а также был неизменным помощником известного русского востоковеда Н. Ханькова в его занятиях по археологии Кавказа и персидской и арабской эпиграфике.⁴ Фазыл-хан умер в Тбилиси 1 марта 1852 г.⁵

Совершенно несомненно, что встреча с Фазыл-ханом произвела на Пушкина большое впечатление, и это понятно, если вспомнить о том интересе, который проявлял Пушкин к восточной и, в частности, персидской теме в поэзии. Лучшим подтверждением этого являются три небольших стихотворных наброска, посвященные этой встрече.⁶ Первый из них написан на рисунке, на котором стоит дата 25 мая, Коби:

Благословен и день и час,
Когда (в горах Кавказа)
Судьба соединила нас.⁷

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, 1937—1938, VIII, 1, стр. 460, а также Н. А. Троицкий, Где встретил Пушкин тело Грибоедова. Изв. Крымского пед. ин-та им. Фрунзе, т. XII, 1947, стр. 183—186.

² Акты, собранные Кавказской археологической комиссией, т. VII, 1878. Отношение графа Нессельроде к графу Паскевичу от 16 октября 1829, № 705, стр. 711.

³ М. Розанов. Персидское посольство в Россию 1829 г. (по бумагам графа П. П. Сухтелена). Русский архив, 1889, кн. 1, стр. 238—240. (Хотя Фазиль не оказал еще тебе никакой услуги, но по великодушию своему прими его в число рабов твоих) — . . . он рошчет на превратности судьбы: дай способ воспротивиться ей. . .). Перевод этой касыды вскоре напечатан был в петербургском альманахе «Подснежник» на 1830 г. О пребывании Фазыл-хана в Петербурге, см. в воспоминаниях О. А. Пржецлавского («Беглые очерки» — «Русская старина» 1883, август, стр. 404—405).

⁴ Н. Ханьков. Археологическое известие, «Кавказ», 1850, 28 июня, отд. отт.

⁵ Н. Ханьков. Некролог, Фазыл-хан, «Кавказ», 1852, № 19. См. также А. В. Попов. Из кавказских встреч А. С. Пушкина. 1. Фазыл-хан Шейда; в «Пушкинском борнике» (Труды Ставропольского Государственного Педагогического института, вып. IV), Ставрополь, стр. 5—7.

⁶ Приезд Фазыл-хана в Петербург был также «Отмечен» двумя стихотворениями Хвостова. Первое называлось: «Свидание русского поэта с персидским в Таврическом дворце августа 8-го дня 1829 г. (Связав сердца любовию святой слыл с севером далекий край Востока и Фазиль-хан Евфрата от потока прозрачною любится Невой)». Второе — «Фазиль-хану Шейда. По случаю воздухоплавания Робертсона», на котором автору случилось быть с персидским поэтом 1829 года 19 августа. Полн. Собр. соч. графа Хвостова, 1830, т. V, стр. 117—119, 379.

⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., 1949, III, 2, стр. 729.

На рисунке сверху изображены кавказские горы, сакля, черкешенка, черкес в бурке; внизу — портреты: в середине — самого поэта в черкесской шапке, направо от него два портрета Наполеона I, голова Павла I и две головы неизвестных лиц.

Другой набросок прямо адресован Фазыл-хану:

Благословен твой новый путь
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы имена.
Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след.
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.¹

Из ответа Фазыл-хана Пушкину во время их встречи можно было бы сделать вывод о том, что гениальный русский поэт еще при жизни был известен в Иране, в частности, в Тавризе. Во всяком случае в проникновенной касыде на смерть Пушкина «Восточная поэма» Мирзы Фатхали Ахундова, написанной на персидском языке в год кончины великого поэта, упоминаются такие произведения Пушкина как «Кавказ», «Талисман», «Бахчисарайский фонтан».² Эта касыда является предметом многочисленных статей.³ Впервые она была опубликована на русском языке в 1837 г. в «Московском телеграфе» в переводе самого автора; литературный перевод А. А. Бестужева-Марлинского напечатан в 1874 г. в «Русской старине». Интересно отметить, что эта касыда была прочтена в юбилейном пушкинском радио-концерте из Москвы для Ирана и Афганистана 8 февраля 1937 г.

Одним из первых известных нам переводов Пушкина на персидский язык является прозаический пересказ «Сказки о рыбаке и рыбке», изданной с учебными целями в Ашхабаде в 1916 г., при участии преподавателя коммерческого училища Э. Э. Тэйлэ, редактировавшего издание и составившего словарь к нему, и А. Мамедова. Пересказ написан простым языком.

Из переводов, вышедших в Иране, наиболее ранний из зарегистрированных мной, относится к 1927 г. В этом году в рещтской газете «Иране кабир» в переводе редактора газеты Екикьяна была напечатана повесть «Дубровский».

Литературная революция в Иране выразилась прежде всего в возникновении в самом начале XX в. художественной прозы, вовсе отсутствовавшей до этого времени. Художественная персидская проза прошла сложный путь развития от исторического романа через роман, критически рисующий писателю современную жизнь, к короткому психологическому и реалистическому рассказу. Идет борьба за литературный язык, который приближается к живому общедоступному языку, освобо-

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., 1949, III, 1, стр. 160.

² Ахундов. Мирза Фатхали. Восточная поэма на смерть А. С. Пушкина, Баку, 1937.

³ А. Берже. Восточная поэма на смерть Пушкина, «Русская старина», 1874, т. IX, М. Рафили, Пушкин и Мирза Фатхали Ахундов, «Пушкин, Временник Пушкинской комиссии», т. II, 1936.; А. Сеид-Заде, «Ахундов — Пушкин» — «Литературный Азербайджан» 1938, №12, он же, «А. С. Пушкин и М. Ф. Ахундов». Изв. АН Азербайджанской ССР, № 6, 1949; Ф. Касум-заде, «А. С. Пушкин и М. Ф. Ахундов» в сборн. «А. С. Пушкин и азербайджанская литература», Баку, 1949. На персидском языке: Пушкин ва Сабухи, Хамза Сардадвер (Талибзаде) «Армаган» 1937, май, № 2; Али Асгер Хекмат. Пушкин дар ше'ре фарси. «Пяме ноу», 1947, № 2.

дьясь от груза вычурных и надуманных украшений, присущих издавна персидской прозе.

В 30-х годах XX в. в персидской художественной прозе начинает развиваться реалистический стиль, который находит своего лучшего выразителя в лице Садека Хедаята. Не случайно, что именно в самом начале 30-х годов на персидском языке появляются переводы реалистической прозы Пушкина. До этого времени на персидский язык из русской литературы были переведены лишь некоторые так называемые «народные рассказы» Л. Н. Толстого (1907—1910), «Демон» Лермонтова (1922), рассказ Горького «Часы» (1922), а также ряд романов, повестей и рассказов из западноевропейской литературы, но можно смело утверждать, что Пушкин является первым писателем не только в русской, но и в западноевропейской литературе, художественная проза которого почти полностью на протяжении 30-х годов была переведена на персидский язык. Именно с этого периода в персидской прозе особенное развитие получает жанр короткого рассказа, почти вытеснивший впоследствии роман.

В 1931—1932 гг. (1309—1310) издательство Ховар в серии «Афсане» тоненькими книжками небольшого формата выпускает три повести А. С. Пушкина: «Пиковая дама» (Биби голаби) перевод Солтана Шарефедина Кахремани (выпуски 39-й и 40-й), «Выстрел» (Тир-е таппанча), перевод Мирзы Хосейн хана Ансари (выпуски 49-й и 50-й) и в выпусках с 51-го по 60-й в переводе Парвиза Нателя Хонлари была напечатана «Капитанская дочка» (Дохтар-е солтан), изданная одной книгой.

Эти ранние переводы следует расценивать как первые попытки передачи пушкинской прозы на персидский язык, и в этом заключается их большое значение. Некоторые из этих переводов не лишены были недостатков, таких, как искажение русских собственных имен, пропуски отдельных эпитетов, играющих весьма большую роль в характеристиках образов героев или явлений, пропуски целых фраз, добавления и, наконец, неверная передача текста. Все это связано с незнанием переводчика с русской действительностью, так замечательно отраженной в произведениях Пушкина, с незнанием многих предметов русского быта, обихода, а в ряде случаев является следствием непонимания переводчиком оригинала.

Возможно, что эти искажения имели место и в тех переводах с русского на французский язык, с которого обычно вплоть до последнего времени и делались переводы на персидский язык многих произведений русской литературы.

Перевод Кахремани «Пиковой дамы», в общем, довольно близок к оригиналу, но и он не свободен от недостатков. Вот несколько примеров: 'девушка' (служанка) переводится как 'девочка' — дохтарбача, очевидно, переводчик не понял значения в данном случае слова 'девушка'; 'камердинер' почему-то переводится как гиссафид 'старуха' 'экономка'; 'каре́та' как дрожке, хотя в персидском языке дрожке значит 'извозчи́чья пролетка', и в то же время имеется более близкое слово коляска, которое и употребил в данном случае другой переводчик этого же произведения — Ансари. Героиню повести Лизавету Ивановну Кахремани называет то Елизабет Ивановной, то Елизабет Павловной. Примером непонимания автором контекста может явиться следующая фраза. У Пушкина: «Многочисленная челядь ее, разжирев и посевев в передней и девичьей, делала, что хотела, наперерыв обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицей». Вся первая часть этой фразы в переводе Кахремани пропущена. Последняя же искажена:

Елизабет Ивановна захматкаш-е хана махсуб мишод, т. е. 'считалась домашней труженицей.

Те недостатки, которые были перечислены выше, в еще большей степени сказались в переводе «Выстрела» Мирза Хосейн-хана Ансари. Особенно это становится ясным при сопоставлении этого перевода с новым переводом, недавно напечатанным профессором Нафиси. На примере последнего можно убедиться в том, что внимательное, любовное отношение к оригиналу, позволяет добиться большой точности при передаче его на чужой язык.

В переводе Мирзы Хосейн-хана Ансари искажения, неточности, совершенно недопустимые добавления, уточнения, расширения основного текста встречаются на каждом шагу. У Пушкина: «и разбрелись по квартирам, толкуя о скорой вакансии». В переводе: бархā ста ба манзил рафтим ва мунтазир-е дуел-е джадид шодим «разбрелись по квартирам в ожидании новой дуэли». Последнюю часть, как мы видим, переводчик искажил, прибавив от себя разговор о дуэли, а не о вакансии. Кстати, и в позднейшем переводе это место оказалось неправильно переведенным, так как Нафиси понял слово «ваканция» как «вакация»: ва дар земне сохбат аз татил-е ке хаман назди-ки-хā буд ба манзел-е ход баргаштим.

Примером бесцеремонного обращения с оригиналом может явиться следующий перевод: у Пушкина: «неужели Сильвио не будет драться?» В переводе это получилось так: «неужели, наш герой не думает отомстить своему врагу»? (Магар пахлаван-е мā хейāl надāрад хариф-е ход энтекām бегнрад). Вряд ли нужно комментировать такие неуместные добавления как «наш герой», «враг», «отомстить».

У Пушкина: «он шел пешком с мундиром на сабле». Мирза Хосейн-хан Ансари опять-таки, очевидно, не поняв этой фразы, совершенно ее искажил, тем самым исказив и образ героя: «я издала увидел соперника (ракиб), который подходил в полной форме» (бā лебās-е тамām расми... дар āмадан буд). Эта же фраза у Нафиси несколько расширенная, что может быть и не вызвано необходимостью, передана гораздо точнее: пиāда бā йак тан перāхан миāмад ва лебās-е низāми-аш-рā дар руи шамшир андāхта буд — «он подходил пешком в одной рубашке и его форменная одежда была брошена на саблю». Приведенные примеры выбраны как наиболее характерные.

Несмотря на то благотворное влияние, которое оказывают великие реалисты — Пушкин, Толстой, Горький, Чехов и другие русские писатели на персидскую литературу, до сих пор еще персидская проза не избавилась от всякого рода сложных нагромождений, надуманных метафор, сравнений и т. п. Это также нашло отражение и в переводах Пушкина. Нельзя не привести высказываний Пушкина, относящихся к современной ему русской литературе, которые вполне могут быть применимы и к персидской прозе нашего времени:

«Но что сказать об наших писателях, — пишет Пушкин, — которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами! Эти люди никогда не скажут дружба, не прибавя: «сие священное чувство, коего благородный пламень и проч.». Должно бы сказать: рано поутру, а они пишут: «едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба». Как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее?»¹

Достаточно повторить приведенный выше перевод «неужели Силь-

¹ А. С. Пушкин. Соч., ГИХЛ, Л., 1937, стр. 684

вио не будет драться?» как «неужели наш герой не думает отомстить своему врагу?», чтобы увидеть в персидской прозе те же недостатки, против которых восставал Пушкин.

«Точность и краткость, — говорит в той же статье Пушкин, — достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не ведут».¹

Перевод «Капитанской дочки», осуществленный талантливым поэтом-новатором и литератором Хонлари, редактировавшем в годы второй мировой войны литературный журнал демократического направления «Сохай, отличается значительной точностью, глубоким и вдумчивым отношением к оригиналу, хорошим литературным языком. Хотя здесь иногда встречаются пропуски отдельных трудных для переводчика мест и некоторые неточности, но в целом перевод очень верно передает дух замечательной пушкинской повести. Вот несколько примеров.

Пушкин: «Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признаки жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели...»

Перевод: Сурчи дар атраф-е каласка рах мирафт ва зин ва барак-е асб-ха-ра дорост микард. Савелич зир-е лаб мигурид ва ман ба омид-е ин-ке асар-е аз инсан й а нишан-е аз рах бийаварам бяхуда-ба атраф нигах микард. Вале туфан чонан фазай-ра тира карда буд ке хеч чиз дида намишод.

«Ямщик ходил кругом коляски и поправлял седло и сбрую лошадей (пропущено 'от нечего делать', добавлено 'седло'), Савельич ворчал, а я напрасно смотрел во все стороны, надеясь увидеть след человека (а не 'жила') или дороги, но буря (туфан) так все затемнила, что ничего не было видно».

Пушкин: «Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мой бок. Я опустил цыновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды».

Перевод: Асб-ха ба васита-е анбух-е барф ба арами тамам харакат микарданд. Драйке ахиста пиш мирафт ва аз ру-е туда-ха-е барф ва пастбаланди-ха убур микард. Дар хин-е харакат низ гах-е ба раст ва заман-е ба чап мотамайл мишод ва ба заврак-е шабих буд ке аз миан-е дарий а-е туфан-е убур конад. Савелич дар хар даф'а-е ке такан-е драйке у-ра ба тараф-е ман миандахт нала-е аз дел бармиавурд. Ман гисуване баланд-е ход-ра фору рихта, постин-ра ба ход почидам, хава-е туфан ва джанбиш-е арам-е драйке касалат-е дар ман тавлид кард ва нагах хабам даррабод.

«Лошади ступали совершенно спокойно из-за обилия снега. Дрожки ехали медленно, пересекая то сугробы снега, то возвышенности или низины. Во время движения они клонились то направо, то налево и было это похоже на лодку, плывущую по бурному морю. Савельич стонал всякий раз, как из-за толчка дрожек его бросало в мою сторону». Далее совершенно неверно: «Я опустил вниз свои длинные волосы (Локонь? Косы? — гисуване ход)». «Я закутался в шубу. Буря и спокойное покачивание дрожек вызвали во мне недомогание, и я неожиданно уснул».

Пушкин: «Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева,

¹ А. С. Пушкин. Соч., ГИХЛ, Л., 1937,

готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Небось, небось» — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг я услышал крик: «Постойте, окаянные! погодите..» Палачи остановились. Гляжу, Савельич, лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной!» — говорил бедный дядька. — «Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради, вели повесить хоть меня старика!». Пугачев дал знак и меня тотчас развязали и оставили».

Перевод: Дигар ноубат-е ман буд. Ман ба шоджаат ба Пугачев нигариста хондра барайе такрар-е хамин джаваб-е руфакка-е шоджа-е ход хазир кардам. Дар ин мийан ба нихайат тааджоб Швабрин-ра ке гесу-е ход-ра борида ва хафтан ба расм-е казакан пушида буд дидам ки аз мийан-е бозорг-ан-е шуриши-йан бирун амада ба Пугачев наздик шод ва дар гош-аш чиз-е гофт. Пугачев пас аз шонидан-е соханан-е у бидун-е ан-ке ба ман нигах конанд фарйад кард: „Ин йак-ера хам ба дар бизанед! Казакан танаб-е ба гардан-е ман бастанд ва ман дуа-ха-е ханда аз гонах-ан-е ход тоуба кардам ва наджат-е касан-е-ра ке дост мидаштам аз даргах-е алахи ба доа хастам. Казак-ха мара ба па-йе дар кашиданд. Миргазаб-ха месл-е ин-ке вакиан михастанд мара ташджи, конанд ба такрар мигофтанд „натарс, натарс“: Нигах фарйад ба гошам расид ке мигофт: „сабр конид, датс нигах дарид!“ Миргазаб-ха тоукиф карданд ва ман сар-ра буланд намуда Савельич-ра дидам ке ба па-йе Пугачев уфтада мигофт: „Арбаб, коштан-е бача-е валинемат-е ман барое то че фоида дарад? У-ра азай кон, фадийа-йе бозорг-е ба то хоханд дад. Агар михахи дигар-ан-ра ба ин васила бетарсонии мара ба джа-йе у ба дар безан. Пугачев ишара кард танаб-ра аз гардан-е ман бардаштанд.

«Очередь была за мной. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ смелых моих товарищей. Тогда к неопisanному моему удивлению я увидел Швабрина, который остриг свою косу и в казацком кафтане вышел из (группы) мятежных старшин, приблизился к Пугачеву и что-то сказал ему на ухо. Пугачев, услышал его слова, не глядя на меня, закричал: «этого тоже повесьте!» Казаки завязали мне на шею веревку, я стал читать молитву, каясь в своих прегрешениях и прося бога о спасении всех, кого я любил. Казаки притащили меня под виселицу. Палачи, как будто на самом деле, желая меня ободрить, повторяли: «не бойсь, не бойсь». Внезапно я услышал крик: «Погодите, оставнитесь (пропущено 'окаянные')». Палачи меня оставили и я, подняв голову, увидел Савельича, который, упав к ногам Пугачева, говорил: „Господин (вместо 'отец родной'), что тебе за польза от убийства сына моего благодетеля (вместо 'барского дитяти') (пропущено: 'говорил бедный дядька'), отпусти его, тебе дадут большой выкуп. Если хочешь таким образом других напугать, повесь меня вместо него“. Пугачев дал знак и веревку сняли с моей шеи.»

В 1937 г. в Советском Союзе и во всем мире отмечался столетний юбилей великого национального русского поэта. Несмотря на господство реакции в Иране, правительство Реза-шаха не могло остаться в стороне от этого события.

9 января 1937 г. иранская газета «Эттелаат» писала: «Мы весьма рады участвовать в юбилее этого великого писателя и литератора и разделить радость соседней дружественной страны. Своим участием мы получаем возможность еще раз выразить наши дружеские чувства к СССР».¹

Иранская общественность откликнулась на этот юбилей, собранием, посвященным памяти Пушкина, на котором был зачитан доклад о жизни и творчестве поэта и оркестр исполнял русские музыкальные произведения.

Как писал недавно проф. Сеид Нафиси, несмотря на то, что правительство Реза-шаха было намерено дать положительный ответ на приглашение Советского правительства принять участие в праздновании юбилея Пушкина, тем не менее, лица, участвовавшие в организации собрания, оказались в таком положении, что лучше об этом и не вспоминать (аз а́н йа́д накардан бихтар).²

В тегеранском литературном журнале «Михр» № 8 был напечатан тогда (1937) перевод повести А. С. Пушкина: «Метель» и в № 9 «Станционный смотритель». В юбилейном восьмом номере этого журнала на обложке был помещен портрет Пушкина, а две других иллюстрации — Пушкин-лицеист, гравюра Е. Гейтмана и картина Айвазовского «Прощай, свободная стихия» в середине журнала. В этом же номере напечатана большая статья Сеида Нафиси «Сто лет со дня смерти Пушкина», посвященная жизни и творчеству великого поэта.

В юбилейный 1937 год впервые на персидский язык стали переводить лирику Пушкина. Несмотря на то, что к этому времени на персидский язык был переведен целый ряд прозаических произведений иностранной литературы, поэтический жанр в переводной литературе почти не был представлен, кроме некоторых опытов, не имевших особенно большого распространения. Причина этого заключалась в особенностях персидской метрики, в традиционности поэтических форм, искусственно поддерживаемой ревнителями так называемой классической литературы.

Приведу интересные наблюдения Ю. Н. Марра: «Когда в Исфагане, упражняясь в переводах с русского, я пытался ознакомить местных литераторов с некоторыми вещами Пушкина, я был удивлен их непониманием. Не столько основная мысль затрудняла слушателей, сколько способ ее выражения. Незнакомство с эллинским миром делало непонятным строку: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон». Персидские условия не позволяли не только перевести, но даже понять слова: «поэт бежит... в широкошумные дубравы на берега пустынных вод». Никто из исфаганских поэтов не мог понять, что значит выражение «берега пустынных вод», так как в Центральной Персии воды нет, ее добывают невероятной затратой труда. Поэтому, где вода, — там жизнь, животные, люди, которые ее берут или стерегут, чтобы ее не украли. А в горах, где текут естественные ручейки, по берегам их проходит дорога. «Широкошумные дубравы» понимались всеми, кого я ни спрашивал, как несколько растущих вместе деревьев, не принадлежащих какому-либо собственнику и потому неогороженных. Там гуляет много народу, наслаждаясь тенью, и поэтому слышен крик и шум. Выражение «...Он сердце вынул и уголь пылающий водвинул»

¹ «Правда», 1937 от 10 января.

² Сеид Нафиси, Равабт-е фарханги-е Иран ба шоурави, «Пеяме ноу» 1327, № 11, стр. 17.



Рис 1
Персидский литературный журнал „МИХР“ (Тегеран) № 8, 1937,
посвященный столетнему юбилею А С Пушкина (обложка)

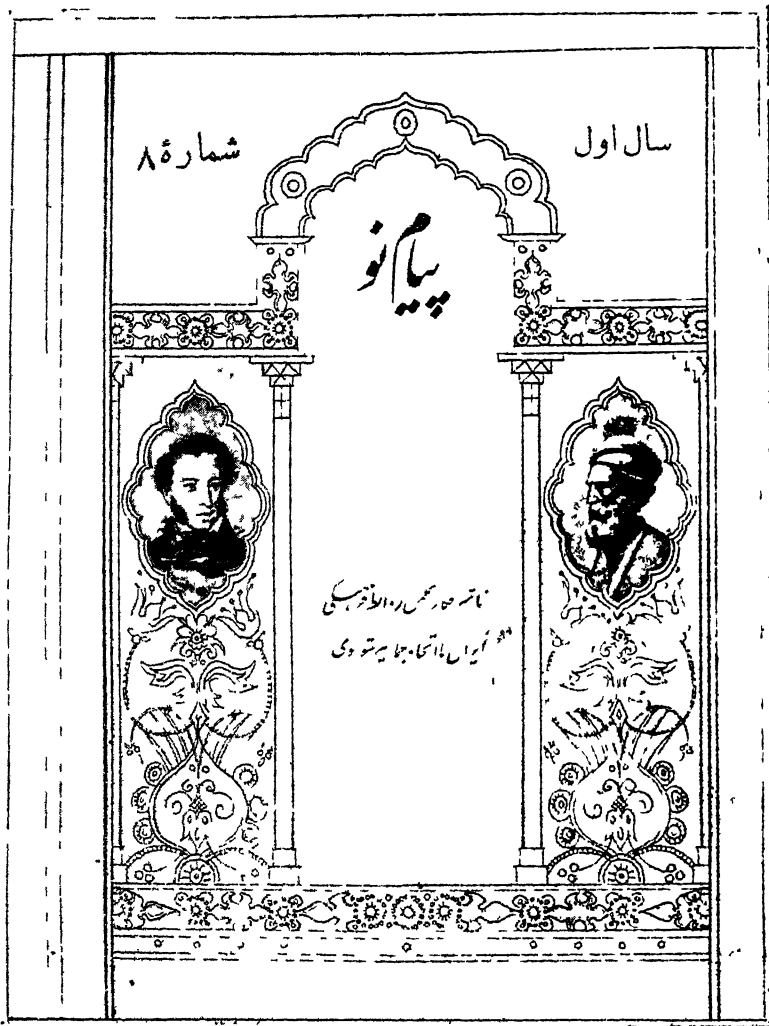


Рис 2

Журнал „Peyman-e No“, издаваемый иранским обществом культурной связи с СССР, на обложке первого года издания журнала помещались портреты А. С. Пушкина и Фердоуси (обложка).

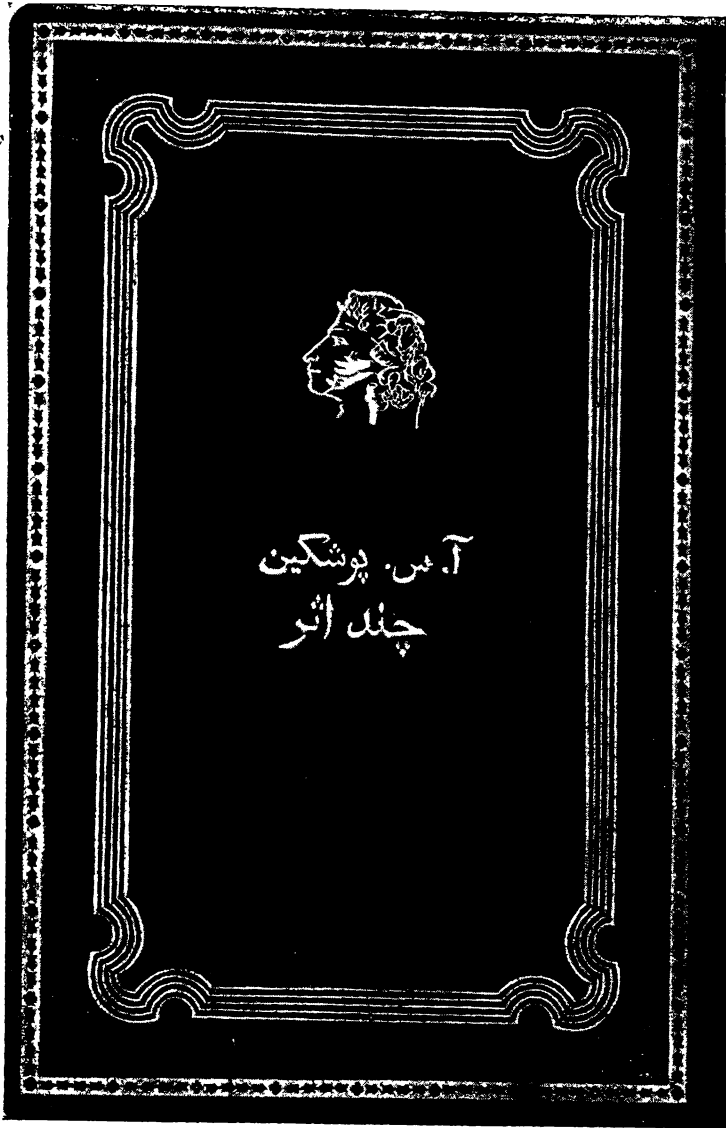


Рис. 3

А. С. Пушкин. „Избранные произведения“. Книга переводов на персидский язык Абульгасеми Лахути, изданная в Москве в 1948 г. (переплет).

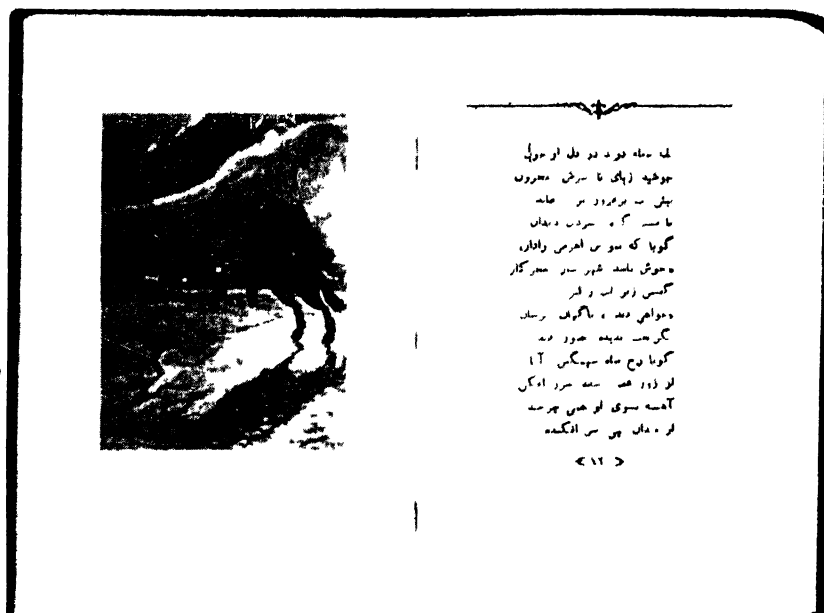


Рис. 4

Страница перевода „Медного всадника“ из книги А С Пушкина из
„Избранные произведения“, пер Лалуги, Москва, 1948.

считалось очень слабым, и Пушкина обвиняли в незнакомстве с гиперболой, лучше-де ему было тут сказать: «Я весь с головы до ног был объят пламенем».¹

Это было написано в 1927 г., и с тех пор многое изменилось и в Иране и в персидской литературе. Хотя события социальной и политической жизни страны в поэзии отразились в значительно меньшей степени, чем в прозе, тем не менее, и в поэзии произошел известный перелом.

«Гражданская», политическая, поэзия, сменившая в период иранской революции 1906—1911 гг. классическую тематику и также бывшая в известной мере абстрактной, в настоящее время уступает место реалистической и психологической тематике. Возникает подлинно революционная антиимпериалистическая поэзия. То, что еще только намечается в 20-х и 30-х годах, расширяется к 40-м годам. Как говорил на первом съезде иранских писателей Хонлари, старые поэты не могли писать о своих личных индивидуальных чувствах. Они не писали о том, что наблюдали непосредственно. Поэты нового направления именно стараются отказаться от отвлеченных рассуждений. В стихах начинает проявляться индивидуализм поэта, его личные переживания, находит отражение природа не в виде отвлеченного символа — куста розы, бутона и все того же соловья, ветерка, зефира и прочих аксессуаров персидской поэзии, а конкретный живой многокрасочный реальный мир, окружающий поэта. Классическое указание В. И. Ленина находит свое подтверждение в персидской литературе: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую».²

В 1946 г., на съезде иранских писателей в выступлениях прогрессивных писателей и литераторов, — осужденного недавно заочно к смертной казни одного из лидеров Народной партии Табари, крупнейшего иранского прогрессивного артиста Нушина, поэта Хонлари, — отразились требования, предъявляемые новой поэзией.

«Старый поэт, — говорил Хонлари, — не мог вкладывать в стихи свои мысли и чувства. Некоторые пытались писать новым размером, другие писали о новых проявлениях техники, но никто из них не достиг цели. Не в том дело, чтобы найти новую форму или стиль, нужно изменить сознание, и это должно найти отражение в содержании, для которого следует найти новую форму. Если жизнь вносит изменения в поэзию, это значит, что произошли изменения в методе мышления людей. Путешествующий на самолете видит иное, чем видел путешествовавший на верблюде поэт древности, и это должно отразиться в поэзии».

«Персидская поэзия, — говорил Табари, — застыла на одной точке. Изменение темы любви в тему любви к родине или переделка загадки о каламе(пере) в загадку о самолете, еще не есть возрождение поэзии. Поэт должен преодолеть старую манеру, старый синтаксис стиха, но разумно выбирая средства. Он должен приблизиться к природе, к жизни и черпать в этом вдохновение.

1 Ю. Н. Марр. Традиционное и заимствованное или современное и актуальное. Рукопись. Знакомству с этой работой покойного советского ираниста я обязана любезности С. М. Марр, за что и приношу ей свою искреннюю благодарность.

2 В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу, изд. 4-е, т. XX, стр. 8.

И в стихах поэт должен не описывать самолет или поезд, а то, что он видит из окна вагона».

Нушин возражал против того, что буржуазная революция 1906—1911 гг. внесла какие-либо коренные изменения в жизнь иранского народа. Революция не смела феодальных пережитков. Даже сейчас многие поэты пишут касыды в сто бейтов и подражают старым мастерам. Нушин рассказал анекдот о мастере, бросавшем иголки, попадая одной в ушко другой, и эмире, наградившем мастера палочными ударами за то, что тот не использует свое мастерство на благо человечества. Многие современные поэты походят на этого мастера. Нушин говорил о том, что поэтов надо делить на тех, кто хочет услужить господствующим классам, и тех, кто служит трудящимся.

Тот перелом, который наметился в персидской поэзии в 20-х и 30-х годах, подготовил почву и для переводов поэтического творчества Пушкина. Можно сказать, что до самого последнего времени персидская литература не имела точных переводов иностранной художественной литературы. В особенности, это относится к поэзии. Поэтические произведения иностранной литературы передавались в прозаических переказах, либо переделывались в соответствии с образцами персидской поэзии.

Первые стихотворные переводы лирики Пушкина принадлежат крупному персидскому поэту Вахиду Дастгерди (умершему в декабре 1943 г.), редактировавшему в течение 20 лет литературный журнал «Армаган». В этом журнале в январе — феврале 1937 г. (№ 10, дей 1315 г.) и были опубликованы выполненные им переводы трех стихотворений Пушкина: «Цветок» (Гол), «От меня вечер Леила равнодушно уходила» (Ийр Лейли веш) и отрывок из стихотворения «Вновь я посетил тот уголок земли»... , начинающийся словами: «Здравствуй племя младое, незнакомое». Все эти переводы впоследствии были перепечатаны в других изданиях. К последнему стихотворению, озглавленному „Салām ба насл-е неждād-е ноу“, Вахид от себя добавил целое стихотворение, в котором он обращается к Пушкину со словами:

Пушкин, ей сохансара-е джахан,
 Нагма-ат бихтарин нава-е джахан.
 Ей михин шаер-е соханвар-е рус!
 Вай ба ту сарбуланд кешвар-е рус,
 Рус танха на сарбуланд ба туст,
 Ке джахан джомла арджоманд ба туст.
 Ту намурдасти, ей джахан-е сохан,
 Дар джанан зеда-е ба джан-е сохан.
 Ей сохан афарин-е дастансаз,
 Хонар афруз-о дастан пардаз,
 Вай ба сад сал пиш ба паигам
 Ханда бар насл-е ноу доруд-о салам.
 Нек ба пасох-е тамам-е ахл-е джахан
 Аз кухан насл та, нежад-е джаван,
 Чун сохангостаран-е Эран-и,
 Ке вахид-анд дар соханрани,
 Ба нава-ха-е руд ва нагма-е раст,
 Хама-ра ин суруд аз де-е хаст:
 Ке з ма бад та бе байад о буд
 Бар ту, ей Пушкин, салам о доруд.

Перевод:

О Пушкин, певец мира,
 Песни твои лучшие в мире.
 О, великий русский поэт!
 Увы, гордая страна русская,
 Не только Россия гордится тобой,
 Весь мир приобретает цену благодаря тебе.
 О творец прекрасных слов, создатель преданий,
 О усиливающий добродетели,
 О ты, который сто лет назад в послании
 Обратился с приветом к новому племени.
 И вот в ответ весь мир,
 От старого племени до младого,
 Как и персидские поэты,
 Которые единственны в создании стихов,
 В музыкальных напевах и правдивых песнях,
 Все поют эту песню из глубины сердца:
 Пусть пока существует (мир)
 Будет тебе, Пушкин, от нас привет.

8 февраля 1937 г. в советском посольстве в Тегеране состоялся концерт, посвященный столетию со дня смерти А. С. Пушкина. На этом концерте Вахид выступил со своими переводами. Вахиду также принадлежит перевод стихотворения «Песнь о вешем Олеге».

Если в первых прозаических переводах Пушкина, как было показано выше, допущены многочисленные неточности и даже искажения, то первые поэтические переводы произведений русского поэта скорее представляют собой вариации на темы пушкинских стихов, чем переводы в собственном значении этого слова. Лаконичный, отточенный, чеканный пушкинский стих как бы кажется иному переводчику недостаточно выразительным, и он вставляет в свои переводы различные украшения и дополнения. Опять-таки нельзя не вспомнить в этой связи упреков Пушкина русской поэзии его времени: «Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства мы еще не понимаем. Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стремимся придать напыщенность».¹ Эти строки, написанные 120 лет назад, как нельзя лучше характеризуют современную персидскую поэзию.

Приведем для примера два перевода стихотворения «Цветок». Требованиям точности не удовлетворяет ни перевод Вахида, ни новейший перевод Мансура Мансури («Пеяме ноу», 1948, № 4), хотя последний и пытался сохранить почти то же количество строк (мисра), какое имеется в подлиннике. Погоня за «красивостью», повторение обычных поэтических штампов, переходящих с давних пор по настоящее время в персидской литературе из одного поэтического произведения в другое, оказывают свое влияние и на переводы пушкинских стихов. В результате перевод оказывается бледной искаженной копией оригинала: утрачены легкость стиха, его прозрачность, лаконичность, изящество формы. Третья строфа этого стихотворения, например, каждым переводчиком толкуется по-своему с точки зрения близких ему образов и представлений:

Где цвел? Когда? Какой весной?
 И долго ль цвел? и сорван кем,
 Чужой, знакомой ли рукою?
 И положен сюда зачем?

¹ А. С. Пушкин. «В зрелой словесности приходит время» (1828), Соч., 1937, стр. 694.

Вахид переводит так: «Из какой степи ты и с какой грядки цветника, и какая роса омыла твой лик? В каком саду рос ты на ветке, расцвел какой весной? Была ли жизнь твоя долгой ранней весной или не прийдя в мир ты вернулся? Кто положил тебя в эту книгу? Что же открыло потом эту темницу? Похитила ли тебя чужая рука с твоей ветки или рука знакомого лицо твое приласкала?» У Пушкина нет ни степи, ни цветка, ни росы, ни темницы. Полустих «И долго ль цвел?» переводится — «Была ли жизнь твоя долгой ранней весной или не прийдя в мир вернулся» и т. д. Благодаря этому стихотворение увеличено вдвое.

Также поступает с этим двустишием и Мансури, совершенно произвольно добавляя в свой перевод цветник, сад, степь, гору, и любезного его сердцу, как и сердцу всякого персидского поэта, раненого соловья: ке ин гол-е хошк куджā руида, бāг йā сахра, йā кух, йā камар? дар че сāl-е зада ба джавр-о джафā калб-е булбул-рā аз гам нештар. «Где рос этот засохший цветок в саду или в степи, или на горе, или на склоне горы, в каком году он вонзил ланцет (шипы) в сердце опечаленного соловья?»

Подобным образом переведена и последняя часть стихотворения Пушкина:

И жив ли тот, и та жива ль?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Вахид импровизирует: «живы ли у себя в городе те два друга или ушли из города и страны (āвара шоданд аз шахро дийār), свежи и цветущи они в саду мира или подобно тебе исчезли бесследно?» А Мансури добавляет от себя еще и «преходящий мир», ибо в представлении персидского поэта мир всегда преходящ и недолговечен (зенда аст инак, йā хамчун гол аз джāхан-е гозарāн карда гозар).

И все же, несмотря на все эти недостатки, творчество гениального русского поэта находит отклик в сердцах иранских поэтов; вслед за первыми переводами появляются новые и новые.

В юбилейные дни 1937 г. группа молодых иранских актеров «Дария беги» дала спектакль «Моцарт и Сальери».¹

В этот же период был выпущен сборник переводов Пушкина — „Намуна-е аз āсар-е Пушкин“, ба йадгār-е садумин сāl-е вафāt-е шāир, Техран, бахман 1315 г. (январь 1938). Типография Барухим. В предисловии к этому сборнику, изданном Министерством просвещения Ирана, говорится: «В связи со столетием со дня смерти замечательного и тонкого русского поэта (сар āйанда-е сохансандж ва нависанда-е дакик-е хонарвар-е рус) Александра Сергеевича Пушкина состоялось собрание, посвященное его памяти, чем была выражена признательность нашему уважаемому соседу. Министерство просвещения выпускает этот небольшой сборник, чтобы выразить то уважение, которое питают иранское правительство и народ к знаменитому (шахир) поэту, этим самым ознакомить говорящих по-персидски с творчеством великого поэта и еще больше укрепить научные и литературные связи между двумя народами».

В начале сборника помещена статья проф. Сеида Нафиси «Жизнь Пушкина» (Зендагāни-е Пушкин) с портретом поэта. В сборник вошли переводы повестей: «Метель» (Кулак), перевод Хамзы Сардадвера (Талибзаде), ранее напечатанный в журнале «Михр», «Барышня-крестьянка» (Дохтар—дехкан), в переводе Исмаила Фередпака, «Станционный

¹ «Комсомольская Правда», 1937, 10 февраля.

«смотритель» (Назир-е истāх) — в переводе Талибаде (Перевод той же повести, сделанный Сеидом Нафиси «Наибе чапархана» был напечатан ранее в журнале «Михр».) В небольших предисловиях, предпосланных каждому произведению, подчеркивается большая художественная ценность прозы Пушкина, его «простой язык» (забāн-е сада), мастерское реалистическое изображение обыденной жизни, которое от начала до конца захватывает внимание читателя.

Прозаические переводы указанного сборника, в общем, отличаются довольно большой близостью к оригиналу. Можно думать, что они сделаны непосредственно с русского языка. Кроме указанных переводов, в сборнике помещен прозаический пересказ «Бахчисарайского фонтана» (Чашма-е Бāтчасарāй), а также три стихотворения: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (Бинā-е йāдгār), перевод крупнейшего современного поэта Малек ош-шоара Бехара, упоминавшийся выше, «Цветок» (Гол) и «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (Соукнāме) в переводе поэта Хабиба Ягмаи, потомка известного поэта XIX столетия — Ягма. Хабиб Ягмаи — литературовед, бывший редактор официального журнала Министерства просвещения Ирана. В своей оригинальной поэзии он выступает как новатор, пытаясь обновить традиционные формы. Этот перевод также осуществлен им в новом для персидской поэзии стиле, с перекрестной рифмой. Это один из лучших переводов лирики Пушкина на персидский язык.

Ба гардишгāх-е порашуб ва гавгā
Мийāн-е дустан-е фāрег аз гам
Ба хар халат че инджа, че анджа
Нейāм фāрег аз ин андеша йакдам.

Впоследствии Ягмаи перевел два других лирических стихотворения Пушкина: «Труд» и «Прозаик и поэт», а также ряд басен Крылова.

Что касается стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», то в настоящее время имеются еще два перевода. Один из них принадлежит поэту Хонлари,¹ переводчику «Капитанской дочки»; другой перевод сделан Абулкасемом Лахути.²

Этот шедевр пушкинской и мировой поэзии каждый переводчик воспроизводит по-своему, но лишь поэту-революционеру Лахути удалось передать весь глубокий идейный смысл стихотворения. Покажем это на примере первого стиха:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа —

Бехар передает ее так:

В великом мире я воздвиг для себя памятник,
Основа прочного здания построена без помощи рук.
Сор злой судьбы
Не сможет закрыть путь к нему.

(Хār-о хас-е рузгār-е нāсāз сад кардан-... , их-е у найāрад). Эту же строфу Хонлари передал словами:

Я построил для себя такой дворец,
(при постройке) которого рук не изранены,
Когда кто-нибудь придет посмотреть на этот дворец,
Ему не придется пробивать путь сквозь сор.

1 «Пеяме ноу», 1945, № 1.

2 Там же, № 6.

(Чу аїад ба дидār-е аи бакиа кас найāбад ба рāх рандж-е аз хār-о хас). Лахути, не допустив ни сокращения, ни увеличения текста, передал строку за строкой

Я создал для себя дворец, который не построить руками,
Никогда не покроет трава путь народа к тому памятнику

(алаф харгиз налушад рāх-е мардом-рā ба аи махзар).

Также сохранено значение и пафос последующих строф, бережно переданных средствами персидского языка. Лахути, следуя Пушкину, выделяет последнюю строку каждого стиха, стараясь быть максимально точным.

В конце 30-х годов в Иране наступает реакция. Деятели демократического движения находятся в тюрьмах и ссылках, малейшее проявление свободолюбия карается жестокими пытками и смертью. В этих условиях не могло быть и речи об опубликовании переводов с русского языка; подобные действия рассматривались как угроза диктаторскому режиму Реза-шаха, и при обнаружении любой русской книги виновный подвергался тюремному заключению. Тем не менее, русские книги, в том числе и Пушкин, читались в Иране и даже проникали различными способами в тюрьмы, где доставляли радость находившимся там узникам.

С развитием в Иране демократического движения в период второй мировой войны на персидский язык в большом количестве начинают переводиться произведения русской и советской литературы. Эта литература сыграла исключительную роль в развитии демократических, прогрессивных идей в среде иранской интеллигенции, иранской молодежи. На творчестве Пушкина, Горького, Н. Островского воспитывались активные борцы за независимость и свободу Ирана. У героев русской и советской литературы иранские демократические деятели учились и учатся высокому патриотизму, мужеству, настойчивости, гуманизму, оптимистической вере в дело народа, в победу пролетариата во всем мире.

В январе 1944 г. в Тегеране состоялось первое заседание иранского общества культурной связи с СССР. Естественно, что это заседание было посвящено А. С. Пушкину. Кроме доклада о его жизни и творчестве, было прочитано стихотворение «Эхо» (Инъ-екās-е саут) в переводе проф. Баде аз-Замана Форузанфара и небольшое стихотворение «Труд» (Миг вожделенный настал, окончен мой труд многолетний) — «Пāйāн-е кār», в переводе Хабиба Ягмаи. Оба эти стихотворения были напечатаны в журнале «Пеяме ноу» (1945, № 4). В этом же журнале печатались и другие переводы произведений Пушкина: «Гробовщик», (Табутсāз) перевод д-ра Файāза (1946, № 12), новый перевод «Пиковой дамы», осуществленный Каземом Ансари (1948, № 5).

Выше уже говорилось о том, что этот перевод значительно лучше перевода Солтана Шарефтдина Кахремани, но, к сожалению, и он не свободен от недостатков; например, графиня просит подать ей табакерку, с нюхательным табаком, а переводчик от ее имени требует коробку папирос (кути-е сигār), что уже совсем выглядит по-современному; «девичью» он понимает едва ли не как прядильную мастерскую — отак-е нахриси; «Лизавета Ивановна, — пишет Пушкин — вошла в капоте и шляпке» — в переводе же говорится, что Лизавета Ивановна вошла в кулахе и шинели. Переводчик решил передать слово 'капот' (верхний дамский плащ, накидка) как шинель, заимствовав это значение из французского языка. Нелепость такого перевода очевидна. В персидском языке существует ряд терминов для обозначения верхнего платья, а в крайнем случае переводчик мог передать это слово описательно. Мы выбрали лишь наиболее характерные примеры.

В июле 1943 г. в антифашистском органе «Ажир», — редактором которого в то время был Джафар Пишевари, впоследствии один из лидеров демократического движения в Иранском Азербайджане, — была напечатана повесть Пушкина «Дубровский». Вскоре этот перевод, исполненный Керимом Кешаверзом, перу которого принадлежит значительная часть переводов с русского на персидский язык, был выпущен отдельным изданием. Нельзя сказать, чтобы в персидских переводах был сохранен ритм пушкинской прозы, ее легкость, прозрачность. Иногда они неумеренно перегружаются в диалогах, как например в переводе «Пиковой дамы» Кахремани, такими оборотами как «Томский сказал», «Нарумов сказал», «Герман сказал (Томский гофт, Нарумов гофт), чего сумел избежать Ансари, другой переводчик этого произведения. Вместе с тем реалистическая проза Пушкина оказывает исключительно благотворное влияние на современный персидский литературный язык. Благодаря этому язык переводов хотя и не свободен от указанных выше недостатков, тем не менее довольно прост и надуманные цветистые украшения сравнительно не так уж часты, особенно в последних переводах. Это в равной мере относится и к новейшей персидской прозе, лучшие представители которой в своих реалистических произведениях резко критикуют современное положение страны.

Кроме перечисленных выше переводов поэзии Пушкина, в журнале «Пеяме Ноу» были напечатаны: «Прозаик и поэт» (Насрнавес ва шаёр) перевод Хабиба Ягмаи (1947, № 10), и «Талисман» (Телесм) перевод Али Асгер Хекмата с подстрочника Керима Кешаверза (1946, № 2). В 1325 (1947) в Тегеране вышел сборник переводов Пушкина (объем 280 страниц) «Пушкин».

На персидский язык до самого последнего времени переводились преимущественно короткие лирические стихи Пушкина: «Цветок», «Труд», «Эхо», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», отрывок «Здравствуй пламя, младое незнакомое», «От меня вечер Леила равнодушно уходила» и три стихотворения несколько больших по объему: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», «Песнь о вещем Олеге» и «Талисман». В то же время, как говорилось выше, на персидский язык переведена большая часть прозы Пушкина, причем некоторые повести и рассказы переводились и издавались по нескольку раз. По два раза: «Пиковая дама», «Дубровский», «Выстрел», по три раза: «Метель», «Станционный смотритель». Это лишний раз свидетельствует о том, что в современной персидской литературе ведущим является прозаический жанр и что персидская художественная проза за короткий срок прошла значительный путь развития. Прогрессивные тенденции в персидской поэзии выразились в появлении нового содержания, насыщенного социальными мотивами и конкретными гражданскими мотивами и в попытках обновления формы, в общем остающейся неизменной.

Интересно проследить динамику движения пушкинских переводов на персидском языке: 1927 г. — один, 1931—1932 — три, 1936—1937 — пять и сборник, куда вошли семь переводов; затем наступает перерыв до 1943 г. В 1943 г. — один, 1944—1945 — семь, в том числе отдельной книгой выпущен «Дубровский»; в 1946—1947 — два и сборник произведений; 1947—1948 — три; 1948—1949 — пять и сборник переводов Лахути, включающий шесть произведений.

Переводы Пушкина на персидский язык, принадлежащие перу талантливому революционному поэту Лахути и изданные в Москве издательством иностранной литературы в 1948 г., «Чанд асар» — «Несколько произведений», представляют собой значительное явление в персидской

поэзии. В сборник, изданный на арабском шрифте и богато иллюстрированный репродукциями с картин известных русских художников — Васнецова, Билибина, Врубеля и Бенуа, включены образцы, отражающие различные стороны пушкинского гения — лирические стихи: «В прохладе сладостной фонтанов» (Дар хавā-е делкаш-е фаварā-хā), «Песнь о вешем Олеге» (Дастāн-е Олег-е делагāх), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (Кāх-е Йādгār); поэмы — «Медный всадник» (Мисинсавār), «Моцарт и Сальери» (Мāсарто Салиери), а также «Сказка о рыбаке и рыбке».

Большая часть этих переводов была прочитана Лахути в Ленинграде в марте 1947 г. на научных сессиях в Институте Востоковедения Академии Наук СССР и в Ленинградском государственном ордена Ленина университете им. А. А. Жданова. Особенный успех имел у слушателей перевод «Сказки о рыбаке и рыбке», переданный ритмической прозой, по ритму, стилю и содержанию очень близко к оригиналу. Чтобы дать представление об этом переводе, приведем несколько отрывков.

Пушкин:

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,
Пришел невод с одною тиною,
Он в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод,
Пришел невод с одною рыбкой.
С непростую рыбкой золотую.

Перевод Лахути:

Еки буд ва еки на буд.
Дар сахел-е бахр-е кабуд
Йак пирамард буд бā пиразанаш.
Анхā тамаман си сал-о се
Дар колбе-йе хак-е ба сар борданд.
Пиразан ба дук-аш рисман мирисид,
Пирамард ба тураш махи магирифт.
У йак руз тураш-рā бā дб андāлт,
Тур-аш ба ладжн бала амад.
У добаре тур-е ход-ра андахт,
Тур-аш ба алаф бала амад.
У се бар-е тур-е ходра андахт,
Тур-аш ба махи бала амад.
Махи сада на, заррина.

Как можно убедиться, перевод идентичен оригиналу, точность почти достигнута. Не совсем верно в этом отрывке передано по-персидски «они жили в ветхой землянке», здесь Лахути слово «ветхой» опустил, передав лишь слово «землянка» как «земляная хижина». Также пропущено определение «морскою» к существительному «травя». Но это незначительные погрешности.

Пушкин:

Старичок отправился к морю
(Почернело сине море),
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:

«Чего тебе надобно, старче?»
 Ей с поклоном старик отвечает.
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Опять моя старуха бунтует:
 Уж не хочет быть она дворянкой,
 Хочет быть вольною царицей».
 Отвечает золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себе с богом!
 Добро! будет старуха царицей!»

Перевод Лахути:

Пирак ба сун дарйа рах уфтад.
 Дарйа-е кабуд сийах шода буд,
 Зарринмахи-ра буланд сада кард,
 Махи шинавар амад порсид:
 «Че хаджат-е дари, йа пира?»
 Пирмард ба таазим пасох-аш дад:
 «Ба ман рахм кон, эй маликамахи!
 Баз хам исйан миконад пиразанам:
 Дигар намихахад эйан башад,
 Михахад башад мохтар малика»
 Ба вай пасох дад зарринмахи:
 «Гам на хор; беров хода йарат!
 Башад! Малика хахад шод пиразан.»

Следует признать, что переводчик очень удачно решил вопрос о передаче многих оттенков оригинала. Эти два небольших отрывка достаточно ярко отражают весь перевод в целом. Лахути очень верно передал на персидский язык сказочно-песенный характер этого произведения, сумев, не отрываясь от оригинала, приблизить свой перевод к персидскому фольклорному стилю, используя такие слова, как пирак (старик), маликамахи (рыба-царица), хотя йарат башад (господь твой покровитель), традиционное в персидской сказке еки буд ва еки набуд (было и не было) и ряд других приемов.¹

В предисловии к сборнику своих переводов Лахути пишет: «Нет ничего удивительного в том, что из числа значительных коротких стихотворений Пушкина внимание переводчика на персидский язык привлекло к себе стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов». Имена многих великих персидских поэтов неоднократно упоминаются в произведениях Пушкина, но этот красноречивый отрывок, который непосредственно отражает искренние чувства великого русского поэта по отношению к «прозорливому (басир ва ноктедан) и крылатому (балдар), поэту—Саади и к его «избранной» стране (кешвар-е баргозида) (у Пушкина «Поэт той чудной стороны») имеет особое право на внимание народов Саади (хак-е махсус-е ба таваджах-е меллат-е Саади дарад)».

По поводу происхождения этого стихотворения существует несколько мнений. Высказывание Лахути вводит в научный обиход еще одну точку зрения.

В 1938 г. один из литературоведов писал о том, что Пушкин в последнем стихе —

Но ни один волшебник милый,
 Владелец умственных даров,

¹ Интересно, что однажды в Тегеране я записала «Сказку о рыбаке и рыбке» от молоденькой девушки из Решта, где она кончила пять классов школы. Этот факт позволяет предполагать, что в южном Азербайджане, культурные и экономические связи которого с Советским Союзом гораздо более тесные, чем других областей Ирана, хорошо известны произведения русской литературы.

Не вымышлял с такою силой
 Так хитро сказок и стихов, —
 Как прозорливый и крылатый
 Поэт той чудной стороны,
 Где мужи грозны и косматы,
 А девы гуриям равны —

под поэтом имел в виду Руставели.¹ Эту точку зрения оспаривал Д. Д. Благой, который вслед за Н. В. Измайловым привел ряд доводов в пользу того, что Пушкин имел в виду Мицкевича.²

Стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов» было открыто и расшифровано П. Е. Щеголевым в 1911 г. и лишь с 1920 г. начало входить в собрания сочинений Пушкина. Пушкинским оно подвергалось многочисленным изменениям и поправкам, вследствие чего подлинник, опубликованный П. Е. Щеголевым, крайне затруднен для прочтения.³

При споре о поэте, упоминаемом в этом стихотворении, как наиболее существенный довод приводится заключительная строфа: «Где мужи грозны и косматы, а девы гуриям равны», при этом Азадовский приводит примеры из других стихов Пушкина, в которых упоминается о кавказских горцах в мохнатых (косматых) шапках. Благой же указывает, что подобные шапки носили и в Литве, а Мицкевич был выходцем именно из Литвы. Позволим себе высказать предположение, что в этой строке действительно заключен ключ к разгадке. Напомним, что таврицкий поэт Фазыл-хан носил баранью шапку-папаху, причем Пушкин разъяснил, что папахами называются персидские шапки. Упоминание же в самом стихе имени Саади («любили Крым птенцы Саади»), а в последней строке — гурий, столь часто встречающихся в персидских стихах, подкрепляют предположение, высказанное Лахути в столь категорической форме о том, что последние строчки относятся к Саади. Но имеются и другие, более веские доказательства. Это стихотворение было обнаружено П. Е. Щеголевым среди набросков 1828 г., но и П. Е. Щеголев и В. Брюсов⁴ считают, что оно может быть отнесено к 1829 г., ко времени возвращения Пушкина из Арзрума. К этому имеется достаточно оснований. Известно, что проездом в Петербург Пушкин был в Малининках. Отсюда он написал несколько писем. В письме к Плетневу (?) (октябрь 1829 г.), говоря о названии «Полтавы», он между прочим пишет: «так и Бахчисарайский фонтан первоначально назван был «Гаремом», но меланхолический эпиграф (который бесспорно лучше всей поэмы) соблазнил меня».⁵ Эту же мысль, высказанную еще в 1823 г. в письме к Вяземскому,⁶ он почти дословно повторил и в заметке „Возражения критикам «Полтавы»“ (1831).⁷

Этот эпиграф взят Пушкиным из Саади: «Многие так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече. Саади». Позже он повторил его в последней песне VIII главы «Евгения Онегина». «Иных уж нет, а те далече, как Сади некогда сказал».⁸

¹ Руставели в стихах Пушкина, «Звезда», 1938, № 5.

² Мицкевич в России, «Красная новь», 1940, № 11—12.

³ П. Е. Щеголев, Из жизни и творчества Пушкина, изд. 3-е, М., 1931, стр. 320—324.

⁴ А. С. Пушкин, Полн. себр. соч., 1920, т. I, ч. 1, стр. 311.

⁵ Письма, под ред. Б. Л. Модзалевского, 1928, т. II, стр. 65.

⁶ Письма, т. I, 1928, стр. 55.

⁷ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., 1949, XI, стр. 165.

⁸ В экземпляре «Бустана» Саади (Бомбей, 1291), принадлежавшего известному коллекционеру А. Ф. Онегину (Ин-т литературы АН СССР, 552—18, 39 стр., 299 строка) отмечено стихотворение, послужившее основанием к этому эпиграфу: Шонидам ке Джамшид-е фаррах серешт Бар сар-е чашма-е бар санг-е навшт:

Напомним также стихи, адресованные Фазыл-хану:

«Где кратко царствует весна, но где Гафиза и Саади знакомы имена». ¹ В письме к Вульффу от 16 октября 1829 г. из Милинников Пушкин пишет: «В Малинниках застал я одну Ан. Ник. в флюсом и с Муром». ² Мур английский автор стилизованного в восточном духе романа с четырьмя вставленными в него поэмами «Лалла Рук». Имеется перевод одной из этих поэм Жуковского. «Пери и Ангел». Вот как отзывался о Муре Пушкин: «Кстати еще знаешь, — писал он Вяземскому 6 апреля 1825 г. — почему не люблю я Мура? Потому что он чересчур уж восточен. Он подражает ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца...» ³ В романе Мура упоминается и Саади и его стихи.

С Саади связано стихотворение Пушкина «Подражание арабскому», в частности, последняя строфа: «Мы с тобой, точь-в-точь орешек под единой скорлупой». ⁴

В «Путешествии Онегина» переплелись крымские и кавказские впечатления Пушкина. Четыре строфы из «Путешествия» «Прекрасны вы берега Тавриды» Пушкин напечатал в первом номере «Литературной газеты» в 1830 г. В этих строфах имеются такие строчки:

Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...
Тьфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!
Таков ли был я, расцветая?
Скажи Фонтан Бахчисарая!

Как нам представляется, эти строки красноречиво говорят в пользу датировки интересующего нас стихотворения 1829 годом.

Следовательно, можно предположить, что, если Пушкин писал стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов» в 1829 г., то он имел в виду именно Саади. Во-первых, в самом стихотворении говорится о Саади и о гуриях, во-вторых, в октябре 1829 г., т. е. после возвращения из Арзрума в письмах из Малинников содержатся косвенные упоминания о Саади, в-третьих, мы пытались показать что Пушкин знал Саади и действительно его ценил; в его библиотеке было два сборника стихов Саади во французских переводах: «Панднаме» изд. 1828 г. и «Гулистан»

«Бад-ин чашма чун ма бас-е дам заданд Берафтанд чун чашм бархам заданд». — «Я слышал, что Джемшид счастливый над фонтаном на камне написал у этого источника: подобно нам многие отдыхали, исчезли (они) подобно морганию глаза». Эту идентификацию подерживал и К. И. Чайкин, который указывал, что «бе рэфтэнд (букв. «они ушли») соответствует «странствуют далече», а чэшм бэрхэм эздэнд (букв. «мигнули оком») понято было как «смежили глаза» (что вполне закономерно, ибо такое значение в персидском имеется), и отсюда «иных уж нет». «Временник Пушкинской комиссии», т. II, 1936, стр. 468.

¹ Имена Хафиза и Саади в это время действительно были хорошо известны в России как в переводах на русский язык, так и в переводах на иностранные языки (см. Библиографию Востока, вып. 10, 1936). В Петербургском университете персидский язык изучался на произведениях Саади (Гулистан) и других персидских поэтов. В. В. Григорьев, Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870.

² Письма, т. II, стр. 66.

³ Письма, т. I, стр. 129.

⁴ Источником этого считают следующий отрывок «Помню в прежнее время я и друг мой жили будто два миндальные ореха в одной скорлупе» («Гюлистан», пер. И. Холмогорова, изд. Солдатенкова, М., 1882, стр. 209), М. Богданович. Две заметки о стихотворениях Пушкина, «Пушкин и его современники», т. VII, Петроград, 1917, вып. 28-й, стр. 108.

изд. 1834 г.¹ Наконец, строка «Любили Крым птенцы Саади»² также говорит в пользу мнения Лахути. Возможно, в Крыму Пушкин слышал стихи Саади или упоминание о нем.

Во всяком случае выбор Лахути стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов» вполне оправдан и лишний раз свидетельствует о том, что в освоении литературного наследия Пушкина он руководствовался не случайными соображениями. Что касается качества перевода, то Лахути постарался максимально приблизить его к оригиналу, переводя строку за строкой, не увеличив и не сократив его, а также рифмуя перекрестной рифмой, как и Пушкин. Близок этот перевод к оригиналу и текстуально. Приведем в качестве примера первый стих:

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом
Дар хава-е делкаш-е фаввара-ха
Хар тараф девар-ха-ра рашхазан,
Бар дел-е хан шаер аварди сафа
Ба джарангандаз марджан-е сохан.

В предисловии к своим переводам Лахути пишет, что не было ничего более легкого, как передать четыре строки Пушкина на персидский язык четырнадцатью, придав им характер и вид персидского стиха, но этим самым была бы утрачена красота, легкость, лаконичность пушкинского стиха и заменена тяжеловесным, длинным и скучным переводом. Это не достойно ни великого Пушкина, ни богатого персидского языка. Пушкин использовал богатство русского народного творчества, создал новую русскую поэзию, и это обязательно должно быть отражено в переводе. В заключение он выражает надежду на то, что молодые силы персидской литературы с помощью переводов и собственных произведений обогатят свою литературу новыми достижениями.

Лахути постарался выполнить поставленную им перед собой задачу и всеми доступными ему средствами персидской поэзии бережно донести гениальные пушкинские творения до персидского читателя. Поэтические переводы Лахути — ценный вклад в персидскую литературу.

Как известно, Лахути является крупнейшим мастером таджикской литературы. В 1947 г. вышли его переводы Пушкина на таджикский язык. Сборник «Чанд асар» включает те же произведения, которые позднее вошли в его сборник переводов на персидский язык.

Интерес к творчеству гениального русского поэта А. С. Пушкина в Иране не ограничивается лишь переводами его произведений. О его жизни и творчестве напечатаны десятки статей в различных журналах и газетах. Обычно эти статьи посвящены биографии поэта, содержанию его произведений, хотя они и не всегда опираются на достижения советской науки в области пушкиноведения. Некоторые же работы затрагивают более специальные проблемы: «Пушкин и Восток», статья проф.

¹ Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, СПб., 1910, стр. 291—292, 293; ср. также Письма, т. I, 1928, примеч. на стр. 280.

² В автографе слова «любили» и «птенцы» зачеркнуты и восстанавливаются П. Е. Щеголевым. В Брюсов предлагает чтение: «Недаром Крым любил Саади»; М. А. Цявловский читает: «Крым любил Саади». В академическом издании 1937—1949 гг. [любили] «Крым, сыны Саади».

Фатьмы Саях («Пеяме ноу», 1945, № 12), «Пушкин и Собухи» Талибзаде о касыде Ахундова на смерть Пушкина и другие.

В настоящее время после широкого подъема и развития демократического и революционного движения в период второй мировой войны в Иране и, в особенности, в южном Азербайджане, наступила реакция. Демократические организации разгромлены, демократические органы печати закрыты, среди иранских прогрессивных деятелей, деятелей демократического движения произведены массовые аресты. Особенно сильно свирепствует реакция в южном Азербайджане. Многочисленные аресты, пытки и казни являются ответом господствующей клики на проявленную народом волю жить по-человечески, пользоваться демократическими правами. 27 февраля 1949 г. в нашей прессе сообщалось, что у арестованного в южном Азербайджане 60-летнего художника Бабаяна полицейские изъяли всю литературу, в том числе произведения Пушкина и Горького. В «Правде» (17 октября, 1948) сообщалось, что агенты тайной полиции в Тавризе арестовывают покупателей магазина «Международная книга», ведут наблюдение за библиотекой Дома Культуры ВОКС, угрожают читателям.

Но иранским реакционерам, действующим по указке англо-американских империалистов не остановить колесо истории. Могучая свободолюбивая лира великого русского поэта А. С. Пушкина живет в персидской литературе, как и в литературе различных народов мира:

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит,
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 6

ИЮНЬ 1949

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, доц. А. Г. Дементьев, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, проф. Н. А. Домнин, доц. Г. В. Ефимов, проф. Н. П. Еругин, проф. В. М. Кадачигов, проф. С. В. Калесник, проф. С. И. Ковалев (зам. редактора), акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов (зам. редактора), проф. В. В. Мавродин (зам. редактора), проф. А. И. Молок, проф. Н. В. Турбин, проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Шукарев.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА *им. А. А. ЖДАНОВА*
ЛЕНИНГРАД
1 9 4 9